

ТОПОГРАФИЯ «УНИЖЕННЫХ И ОСКОРБЛЕННЫХ»

К топографии «Униженных и оскорбленных» исследователи почти не обращались. Попробуем определить прообразы домов главных героев романа. Центр действия — Вознесенский проспект близ Мариинской площади. Пройдем некоторыми маршрутами героев романа. Иван Петрович, идя по Вознесенскому проспекту, на противоположном тротуаре видит старика с собакой. Привлеченный их необычным, гофмановским видом, Иван Петрович следует за ними, попадает в кондитерскую, становится свидетелем смерти Азорки. Покинув кондитерскую вслед за стариком, он видит, как тот умирает тут же поблизости, слышит его последние слова.

В романе кондитерская обозначается как кондитерская Миллера. Фамилия Миллер была в то время весьма распространенной среди немецкого населения столицы. В Петербурге были табачная и кожевенная фабрики Миллера. Немцы составляли около двух процентов населения города; селились они, как правило, в Адмиралтейской, Казанской и Литейной частях. Иностранцам, в том числе немцам, принадлежало до тридцати процентов булочных и кондитерских. Только булочников с этой фамилией в 1849 г. насчитывалось восемь в разных частях города. Не одна была в городе и кондитерская Миллера: на Литейной, Торговой и Гороховой улицах. Вспомним, что у Торгового моста в романе жила графиня Зинаида Федоровна, на Литейной — Наташа с Алешей, а на Гороховой — Смит.

Известно, что купец Адам Иванович Миллер владел домами на Васильевском острове: на 2-й линии и на Песочной улице у Большого проспекта. На углу Большого проспекта и Песочной в доме Соловича Достоевский жил с ноября 1846 по февраль 1847 г. Имя и отчество — Адам Иванович, тоже весьма распространенные, всплывают в сочетании с фамилией Шульц в кондитерской Миллера: это «приезжий гость, купец из Риги». В этом районе была кондитерская Шульца на углу Вознесенского и Большой Морской, в доме Калгина. Здесь, у Синего моста, в доме Калгина жили Майковы (281, 146), и Федор Михайлович бывал у них в гостях. И здесь, в доме Шиля на углу Малой Морской и Вознесенского, он был арестован.

Во Второй роте Измайловского полка существовал деревянный дом булочного мастера Ивана Ивановича Шульца. Неподалеку, в Третьей роте в доме Палибина Федор Михайлович жил в период работы над «Униженными и оскорбленными». Кроме того, в Глухом переулке на Васильевском острове был дом Христины Ивановны Шульц, а напротив стоял дом Федора Карловича Кригера. Его тезка, Федор Карлович Кригер, «добродетельный немец», — еще один посетитель той же кондитерской.

Эта кондитерская в романе не вполне соответствует реальной кондитерской, находившейся на углу Вознесенского проспекта и Глухого переулка: реальная была на том углу, от которого надо было

повернуть налево, чтобы попасть в переулок, а не направо, как сказано в романе. И принадлежала эта кондитерская не Миллеру, а Мишелю Е. И. — титулярному советнику. Владельцем кондитерской на углу 7-й линии и Большого проспекта был Флориан Мишель; актриса Мишель жила в хорошо известном нам доме Шиля на Вознесенском.¹

Название переулка, о котором идет речь, в романе сокращено до последней буквы: «Я живу в — м переулке», — говорит Иван Петрович. «В нескольких шагах от кондитерской, поворота от нее направо, есть переулок, узкий и темный, обставленный огромными домами» (3, 175), — так описывается переулок в романе. Еще Н. П. Анциферов предположил, что этот переулок Глухой.² Глухих переулков в 1840-х гг. в Петербурге было около четырнадцати, в начале 60-х — пять. И великое множество заборов. Наиболее значительные отмечались на планах города. Один такой забор отмечен напротив Глухого переулка у Тучкова моста на Васильевском острове. Столица строилась. Общая численность населения приближалась к 500 000. Было много пришлого люда. В книге Статистического комитета говорилось: «Можно без преувеличения сказать, что значительный процент пришлого люда приходит *только умирать* в Петербург». А «Художественная газета» мрачно шутила по поводу непрекращающегося строительства: «Если иностранец, не знакомый ни с нашей историей, ни с европейской географией, забежит в нашу северную столицу, он подумает, что строят новый город: на какую улицу ни взглянет, везде строят, везде оканчивают, а нигде не начинают; если утешенный этими признаками скорого окончания нового города он захочет обождать исполнения сей надежды, — этот иностранец умрет в Петербурге».³

Иеремия Смит, из иностранцев, но русский подданный, в прошлом машинист, 78-ми лет от роду, умер под забором строящегося дома недалеко от того места, где жил. «Что-то подтолкнуло меня, что старик непременно повернул сюда. Тут второй дом направо строился и весь был обставлен лесами. Забор, окружавший дом, выходил чуть не на середину переулка, к забору была прилажена деревянная настилка для проходящих. В темном углу, составленном забором и домом, я нашел старика» (3, 175—176). В действительности решение надстроить «второй дом направо» в Глухом переулке до трех этажей было принято 31 мая 1862 г., т е когда «Униженные и оскорбленные» уже увидели свет.⁴

Жил старик «в двух шагах от того места, где умер, в доме Клугена, под самую кровлю, в пятом этаже. . » (3, 176). Если бы мы сейчас заглянули в бывший Глухой переулок, то нашли бы в нем

¹ Путеводитель 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского села, Петергофа, Гатчины и прочия СПб, 1854 С 158

² Анциферов Н П Петербург Достоевского Пг, 1923 С 26

³ Постройки в Петербурге // Художественная газета СПб, 1838 30 июня № 12 С 385

⁴ Центр гос историч архив С-Петербурга, ф 513, оп 2, д 3356

только один пятиэтажный дом «в двух шагах от того места, где умер» Смит, на углу Фонарного переулка. Единственный пятиэтажный дом в переулке (назовем его домом Смита) не принадлежал Клугену. Домовладельца с немецкой фамилией Клуген (klug — умный) в Петербурге не было ни в 40-е, ни в 60-е гг. Были Калгины, Клягины, Калугины в тех районах, которые хорошо знал Достоевский. Правда, в Петербурге проживал в здании Павловских казарм гвардии полковник и кавалерист Максимилиан Иванович Клуген. Был известен также полковник кавалерии Иван Яковлевич фон Клуген, преподаватель военных наук.⁵ Эти имена писатель мог знать, как и этих людей. Мог он знать и портного Клуге, жившего в доме Орловой-Денисовой на набережной Фонтанки у Симеоновского моста.

На самом деле дом Смита принадлежал некогда майору Корпуса инженеров путей сообщения Брюну и уже в начале 30-х гг. был пятиэтажным и значился под № 160 по 2-й Адмиралтейской части 3-го квартала.⁶ В конце 40-х гг. дом принадлежал почетному гражданину Михаилу Ивановичу Глазунову. У Глазунова был также дом на Большой Мещанской. Поблизости в доме Кохендорфа Достоевский снимал квартиру в 1846 г. В начале 60-х гг. «дом Смита» принадлежал тайному советнику Якову Андреевичу Дашкову. В это время дом значился под № 6 по Глухому переулку и под тем же по Фонарному.⁷ Ныне — переулок Пирогова, дом 6/6.

Вблизи дома Смита было два реальных адреса, важных для Достоевского. Это дом Якобсона на Офицерской, где в 60-е гг. жил А. П. Милюков, с которым Федора Михайловича связывала дружба на протяжении всей жизни. Ныне — улица Декабристов, дом 5 (дом сохранился). Кроме того, в Записной книжке Достоевского находим помету: «на углу Фонарного дом Зиберта». Действительно, домом на углу Фонарного владел купец Христиан Егорович Зиберт, и в его доме Достоевский положил быть у В. Я. Смирнова — литератора, которому и преподнес экземпляр «Униженных и оскорбленных».⁸ Ныне — улица Декабристов, дом 11 (дом сохранился).

Последние слова старика были: «На Васильевском острове (. . .) в Шестой линии. . .» (там же). После второго появления Нелли в квартире дедушки (на седьмой день после его смерти) Иван Петрович, подвезя ее на извозчике на Васильевский, тайно следует за ней, желая на всякий случай узнать, где она живет.

«. . . что мог я увидеть в Шестой линии, кроме ряда обыкновенных домов?» (3, 177), — спрашивает себя Ваня. Они «шли долго, до самого Малого проспекта» (3, 257). Наконец Нелли вошла в лавочку. Выйдя оттуда уже без книг, но с глиняной чашкой, она прошла немного и «вошла в ворота одного невзрачного дома» (там же). Если

⁵ Путеводитель. . . С. 102.

⁶ Центр. гос. историч. архив С -Петербурга, ф. 513, оп. 102, д. 3466.

⁷ Там же.

⁸ Лит. наследство. М., 1971. Т. 83. С. 129, 155. См. также: Рукою Достоевского (публикация Т. И. Орнатской) // Достоевский: Материалы и исследования Л., 1985. Т. 6. С. 16.

бы мы сейчас прошли по 6-й линии, то увидели бы в основном те же двух- и трехэтажные дома начала XIX в., правда, некоторые из них позднее надстраивались, перестраивались. За Средним проспектом частично дома были разрушены в годы Великой Отечественной войны, так что сейчас здесь встречается и новая застройка. А тогда, подходя к Малому проспекту, мы увидели бы на 6-й линии два дома купца Семена Ивановича Скрябина, которые в начале 60-х гг. принадлежали уже архитектору Николаю Павловичу Гребенке. За этими домами было пустопорожнее место Воскресенского монастыря, а напротив, на углу 7-й линии и Малого проспекта, и поныне стоит церковь Благовещения бывшего монастыря. В ближайшем к церкви доме № 63 (не сохранившемся) жил А. В. Дружинин, с которым Достоевский полемизировал на страницах «Униженных и оскорбленных» (3, 423—424). За Малым проспектом на углу 6-й линии находился трехэтажный каменный дом купца Василия Алексея, в начале 60-х гг. принадлежавший гвардии поручику Дмитрию Егоровичу Бенардаке.⁹ В 1840 г. в этом доме жил Белинский. Дом сохранился, надстроен в начале XX в. Никаких отличительных признаков у этих домов не было. Дом же, в ворота которого вошла Нелли, был «небольшой, но каменный, старый, двухэтажный, окрашенный грязно-желтой краской. В одном из окон нижнего этажа, которых было всего три, торчал маленький красный гробик, — вывеска незначительного гробовщика» (3, 257). В реальном Петербурге у самого Среднего проспекта стоял двухэтажный старый дом, в котором помещалась лавка незначительного гробовщика — Лазарева. Большой популярностью пользовалась лавка гробовщика Изотова, находившаяся неподалеку, на 7-й линии в доме Дейтриха. На Малом проспекте, но Петербургской стороны, можно было увидеть лавку гробовщика Смирнова в собственном доме, и у него же была лавка в доме Кохендорфа на Большой Мещанской, т. е. там, где некоторое время жил Федор Михайлович.

Дом, в котором помещалась лавка гробовщика Лазарева, в романе принадлежал мещанке Анне Трифоновне Бубновой. В реальном городе существовала домовладелица Авдотья Никифоровна Бубнова, она владела одноэтажным деревянным домом на Петербургской стороне вблизи Малого проспекта. В этом районе Достоевский бывал у своей сестры А. М. Голеновской, которая жила на Большом проспекте Петербургской стороны, недалеко от Каменноостровского. Купеческую фамилию Бубновых писатель мог знать и по Владимиру, и по Москве, где она была не менее известна, чем в Петербурге. Реальный дом на углу 6-й линии и Среднего проспекта значился под № 166 по Васильевской части 2-го квартала и с 20-х до 70-х гг. принадлежал купцам Демидовым. В начале 70-х гг. двухэтажный дом был достроен до пятого этажа, а в 10-х гг. XX в. стал шестиэтажным.¹⁰ В таком виде, с обогащенным фасадом, он сохранился. Со-

⁹ Центр гос историч архив С Петербурга, ф 513, оп 102, д 1620
¹⁰ Там же, д 1608

временный адрес — 6 линия, дом 29/28 Условно можно считать его «домом Нелли»

Дом Наташи Ихменевой наиболее привязан к петербургской реальности «Она жила тогда на Фонтанке, у Семеновского моста, в грязном „капитальном“ доме купца Колотушкина, в четвертом этаже» (3, 224) Вход был со двора, окна квартиры выходили на набережную, так как Ваня различал свет свечи в ее окне еще издали Этот дом — петербургская реалья 40-х гг Купец Абрам Дмитриевич Колотушкин владел лишь одним домом в городе, и этот дом находился на Фонтанке, значился под № 9/84 и относился к 3 му кварталу 3-й Адмиралтейской части ¹¹ Правда, и здесь есть сдвиг относительно реальности дом находится ближе к Обуховскому мосту, а не к Семеновскому, как сказано в романе Флигель в первом этаже слева был действительно четырехэтажным Достоевский несомненно знал А Д Колотушкина Как утверждает Г А Федоров, в доме Колотушкина не только жил друг юности Достоевского И Н Шидловский, но и поселился М А Достоевский с сыновьями после того, как они оставили номера гостиницы у Обухова моста ¹² Не мог Федор Михайлович не знать и того факта, что в этом доме ранее жила знаменитая А И Истомина Прославленная стихами Пушкина танцовщица снимала квартиру в этом доме в 1831 г, в одно время с А И Дельвигом, двоюродным братом поэта ¹³ В начале 60 х гг дом принадлежал уже баронессе Екатерине фон Герварт и значился под № 87 в 4-м квартале 3-й Адмиралтейской части В 1873 г был капитально перестроен четырехэтажный флигель в первом дворе слева Парадный фасад дома дважды менял свой облик в середине 1860-х и 1910-х гг Современный адрес — Набережная Фонтанки, дом 103

Менее конкретен «адрес» родителей Наташи — стариков Ихменевых Их домик находится в отдаленнейшей части Васильевского острова, на 13-й линии «Вот и Тринадцатая линия, вот и их домик < > Этот садик принадлежит к дому, он шагов в двадцать пять длиною и столько же в ширину и весь зарос зеленью» (3, 425) Почти все дома на 13-й линии в конце 40-х гг были деревянными За Малым проспектом простирались огороды, среди них — небольшие садики Большой проспект был весь в зелени Домик Ихменевых в романе должен был находиться недалеко от Большого проспекта, так как от их дома до набережной нужно было «пройти улицу», т е квартал Наташа «шла молча, скоро, потупив голову < > Но, пройдя улицу и ступив на набережную, вдруг остановилась » (3, 195) Учитывая манеру Достоевского сдвигать романное пространство относительно реального, мы должны были бы искать «прототип» дома Ихменевых в стороне от Большого проспекта на 13-й линии, но «домик» и «садик» не могут служить достаточными

¹¹ Там же, д 9949

¹² Федоров Г А Достоевский Санкт Петербург 1837 // Знание — сила 1981 № 2

¹³ Дельвиг А И Мои воспоминания В 4 т М, 1912—1913 Т 1 С 152

ориентирами в этих поисках. Тем более что Наташа могла пройти всю улицу или часть улицы (возможно, что улицей именуется 13-я линия), прежде чем вышла на Николаевскую набережную. Но если бы мы прошли по 13-й линии до Среднего проспекта, то в реальном Петербурге в 60-х гг. у Среднего проспекта нашли бы два дома Миллера, а сразу за Средним проспектом — дом для призрения бедных и Благовещенский детский приют. Крошечный садик на Васильевском должен был напоминать Ихменевым о просторах полей и лугов их Васильевского. Здесь заканчивает свои дни Нелли. В доме с вывеской гробовщика умирала мать Нелли на ее руках. Страдания Нелли продолжались в Глухом переулке поблизости от приюта, находившегося на углу Глухого и Прачешного переулков. Здесь, в Глухом переулке, началось действие без исхода: умер Смит, поселился обреченный на смерть Ваня.

Наталию Николаевну Ихменеву Достоевский поселяет в доме, освещенном воспоминаниями об Истоминой, вблизи дома А. Н. Оленина (дом № 97), где в 1819 г. Пушкин познакомился с А. П. Керн, Таким образом, конкретные городские реалии, помещенные в контекст романа, как бы переплетаются с историческими реалиями.

Появление памятника Николаю I в 1859 г. перед домом, где Достоевский десять лет назад был арестован, акцентировано в романе: «Так умер Б.? Да и как не умереть! — говорит Ихменев. — И житье хорошо и. . . место хорошее, смотри! <. . .> Мы выходили уж на площадь; перед нами во мраке вставал памятник, освещенный снизу газовыми рожками, и еще далее подымалась темная, огромная масса Исаакия, неясно отделявшаяся от мрачного колорита неба» (3, 212).

Город с его мостами, кондитерскими, ресторанами неотделим от судеб героев романа. Попробуем расшифровать также названия мостов и выявить иные городские реалии в романе, соотнеся их с петербургской реальностью.

На В—м мосту Нелли просит милостыню. Так как от квартиры Ивана Петровича «идти было недалеко», очевидно, это Вознесенский мост. Еще один мост упоминается в рассказе Нелли о своем прошлом: «. . .и когда мамаша заснула, пошла на улицу, к дедушкиной квартире, и не доходя стала на мосту» (3, 417). Поскольку к этому времени Смит уже переехал в дом Клугена в Глухом переулке, а Нелли с матерью жили уже не на Мещанской, а на 6-й линии, то девочка, идя с Васильевского через Николаевский мост, могла остановиться возле часовни на Николаевском мосту.

Упомянутый в романе ресторан Б. — ресторан Бореля — «любимый ресторан великосветских денди» находился на Большой Морской в доме Руадзе, ныне улица Герцена, дом 16. Ресторан Дюссо помещался также на Большой Морской в доме Жако, 11/6, на углу Кирпичного переулка и пользовался одинаковой известностью с рестораном Бореля. Кондитерская Балле — на Невском проспекте, 54, в доме Демидова.

Недалеко от дома Нелли Иван Петрович встречает своего школьного товарища Маслобоева. «Я вышел из этого дома в раздумье

и в глубоком волнении <...> Я шел, потупив голову и размышляя, как вдруг резкий голос окликнул меня по фамилии» (3, 261). Маслобоев приглашает Ваню в «ресторацию»: «И он указал мне на вывеску в десяти шагах от того места, где мы стояли, — видишь: кондитерская и ресторан, то есть попросту ресторация, но место хорошее» (3, 262). Действительно, в доме Жернова на углу 7-й линии и Большого проспекта находилась кондитерская и ресторан Делли.

На Толкучем рынке Иван Петрович покупает для Нелли простенькое платьице, шейный платочек и две пары чулок. Этот рынок (позднее Ново-Александровский) находился на углу Вознесенского проспекта и Садовой улицы. Ныне — это участок дома 54 по Садовой.

Как видим, адреса героев романа «Униженные и оскорбленные» варьируют адреса в ранних произведениях Достоевского и предвосхищают топографию больших петербургских романов. Фонтанка у Семеновского моста, Васильевский остров будут фигурировать в «Подростке», а район Вознесенского проспекта, где сконцентрировано действие «Униженных и оскорбленных», будет играть основополагающую роль в «Преступлении и наказании»: здесь Раскольников прячет украденные вещи, здесь его допрашивает Порфирий Петрович в Казанской полицейской части, Лужин тут поселяет Дуню и Пульхерию Александровну в номерах купца Юшина в доме Бакалеева, и т. д.

В романе «Униженные и оскорбленные» мы наблюдаем, как нарастает дисгармония в душах героев, видим, как развивается их отчуждение от природы, а значит, от самих себя, как они срастаются со своими жилищами, с городом, оказывающим разрушительное действие на природу человека.

Старик Ихменев был «раздражен и желчен» первое время по приезде в Петербург. Анна Андреевна «ходила как потерянная <...> Петербург ее пугал». Даже солнце в Петербурге не настоящее. Ваня еще тянется к солнцу, он любит мартовское солнце в Петербурге, особенно в ясный морозный вечер. «Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет <...> Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!» (3, 169). Солнце в романе еще не губительное июльское, какое будет сиять в «Преступлении и наказании» и олицетворять не жизнь, а смерть, но уже «тусклое, бедное», противопоставленное другому — ясному, непетербургскому, которое светило в детстве Ване и Наташе. «Тогда кругом были поля и леса, а не груда мертвых камней, как теперь». Ване все кажется, что в Петербурге он, наконец, погибнет. Нелли, обреченная на смерть, вспоминает «о голубых небесах, о высоких горах, со снегом и льдами, которые она видела и проезжала, о горных водопадах; потом об озерах и долинах Италии, о цветах и деревьях, об сельских жителях...» (3, 432).

Образ города в «Униженных и оскорбленных» предвосхищает образ Петербурга в дальнейшем творчестве Достоевского. В грезах

Аркадия Петербург предстает как неоправданное творение Петра, отчужденное от действительности. «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» (13, 113).

В. А. ВИКТОРОВИЧ

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

«Село Степанчиково и его обитатели»

Автор «Села Степанчикова. . .» писал, что в его романе «есть два огромных типических характера (. . .) вполне русских и плохо до сих пор указанных русской литературой» (28₁, 326), — Фома Опискин и полковник Ростанев. В комментариях к академическому изданию проведена параллель — мольеровские Тартюф и Оргон, а из характеров, «указанных русской литературой», назван лишь тургеневский Кузовкин из «Нахлебника» (3, 501). Между тем Достоевскому был знаком роман, в котором впервые явился русский Оргон. Это роман В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (1814). Нищий князь Чистяков занимает в семействе доброго и легковверного Простакова место приживальщика и одновременно «строгого блюстителя». Слуга однажды сообщает Простакову, что Гаврило Симонович «сидит в углу комнаты своей, перед ним стоит свеча и лежит библия; он (. . .) горько плачет». «Плачет? — сказал он (Простаков. — В. В.) диким голосом, от которого Маремьяна (жена. — В. В.) и дочь ее задрожали. — Он плачет под кровлею дома моего, — плачет человек добродетельный, которому я дал убежище! О! молю Бога, чтобы не мое семейство было виною слез его. Иначе я сам испрошу громы на головы нечувствительных, которые извлекают слезы из очей несчастного, но доброго человека».¹

Следы чтения «Российского Жилблаза», возможно, обнаруживаются и в имени слуги Фалалея, объекта «опытов» Фомы Опискина. Нарезновский Чистяков родился и жил в деревне Фалалеевке, сын его одно время даже носил фамилию Фалалеев.

* * *

«Я знаю Русь, и Русь меня знает. . .» (3, 68), — говаривал Фома Опискин. В комментарии указано, что слова эти взяты из предисловия к роману Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» (1832)

¹ Нарезный В. Т. Избр. соч. М., 1956. Т. 1. С. 114—115.